

СОЦИАЛЬНОЕ НЕДОВЕРИЕ: ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ «ХАМСТВА»

Любые взаимодействия между людьми – общение, работа, игра – выстраиваются не только функционально (как достижение цели в совместной активности), и с учетом социальной дистанции (используя формальные или неформальные коды взаимодействий), но одновременно всегда эмоционально окрашены. Спектр социальной эмоциональности в наиболее общем виде можно представить через континуум доверие-недоверие, включающим всевозможные оттенки и модальности, к примеру, от эмоций любви и преданности на полюсе доверия до враждебности и ненависти на противоположном полюсе. Россию времен СССР можно отнести к социальным системам, где формальные правила взаимодействий в большинстве своем либо оставались неопределенны, либо оказывались столь внезапно изменчивы и ситуативны, что практически перестали выполнять свою функцию социальных ориентиров. В этих условиях неопределенности формально-правовой и нормативно-ценностной основы взаимодействий, континуум социальной эмоциональности с одной стороны выполнял и продолжает выполнять компенсаторную функцию (подмалевывая белые пятна и «бермудские треугольники» социального пространства собственным эмоциональным отношением), а с другой – заменяет в обыденном сознании формальные характеристики социального пространства и его участников. Формальные характеристики социального пространства – это ожидаемые, заранее предсказуемые реакции, хорошо известные участникам, а поэтому беспроблемные ритуалы общения и нормы ведения диалога, позволяющие достигать цели взаимодействия с наименьшими затратами.

Неопределенность, изменчивость и ситуативность формальных характеристик социального пространства ведет к тому, что вместо четкого

знания, например, о круге полномочий, обязанностях и ответственности Первого Секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, или сейчас – Президента России, у члена советского\российского социума есть лишь более или менее яркий эмоциональный образ «ответственного лица» занимающего высший пост во власти. Этот образ – объект любви или ненависти, презрения или симпатий, доверия или недоверия. Неопределенность механизмов рационального взаимодействия индивида с властью в лице вышеуказанного социального деятеля приводит к тому, что на практике социальная составляющая такого взаимодействия либо отсутствует (что компенсируется односторонним «управлением», направленным «сверху вниз»), либо оказывается сведена к ритуальному поклонению\хулению. Между этими полюсами на «нейтральной полосе» континуума социальной эмоциональности очевидно должна существовать некая взвешенно-рассудочная позиция, которую конструирует коллективный разум – обыденная рассудочность недостаточно информированного или дезинформированного общества: сплетни. Так участники российского социального пространства все-таки конструируют собственный умопостигаемый образ социального мира, но образ этот оказывается по преимуществу эмоционально-метафорическим, ибо создается он в условиях неопределенности форм взаимодействий, недостатка достоверной информации, из наличных впечатлений, из элементов континуума социальных эмоций: доверие-недоверие. Одной из модальностей недоверия в континууме социальной эмоциональности является хамство.

Хамство распознается, прежде всего, через речевые формы взаимодействий: в самом общем смысле оно представляет собой эмоционально нагруженный вербальный конфликт, недоверие в его ярко выраженной форме.

Феномен хамства широко известен в российском социальном пространстве, а также за его пределами. Понятие «российское социальное пространство» отсылает к национально-государственным границам, и

поэтому аналитически далеко не совершенно. Российским социальным пространством здесь я называю дискурсивные практики носителей языка, компетентное распознавание или воспроизведение которых осваивалось участниками через усвоение дискурсивных практик русскоговорящего населения в географических границах СССР или Российской Федерации.

Попытки осмысления феномена хамства: его истоков, форм, социальных функций и воспроизводства, изначально наталкиваются на трудности терминологического характера. Понятие «хамство» в контексте русского языка применимо к явлениям из совершенно разных областей социальных взаимодействий: хамство может быть бытовым (обмен грубыми репликами между родственниками или соседями), хамство привычно «в сфере обслуживания», чиновничье хамство – в «государственных учреждениях», хамство подростков в школе, хамство водителей на дорогах и пассажиров в транспорте и т.д. Очерченное таким образом пространство существования феномена хамства, на первый взгляд, позволяет выделить наиболее характерные его проявления, и попытаться через анализ отдельных деталей, обозначить разнообразные его подвиды, прояснить их сходства и отличия... На деле же такой подход лишь еще более затрудняет понимание исследуемого явления. Хамство в таком рассмотрении предстает как некий социальный монолит, разнообразные формы и проявления которого препятствуют аналитическому выявлению природы его устойчивости, социальных функций и условий воспроизводства в российском социальном пространстве. Преодолеть данное затруднение возможно через применение методов институциональной этнографии (см. Dorothy Smith, 2005. *Institutional Ethnography: A Sociology for People*): анализируя содержание социального явления через прояснение работы дискурсивно опосредованных практик в действиях людей, а также причин и соображений, какими сами люди руководствуются действуя именно так (например, «по-хамски») а не иначе. Хамство не есть лишь «отсутствие культуры» – это одна из устойчивых форм взаимодействий, а поэтому – неотъемлемая часть культуры.

«Кто вы такие? Чего вам надо? Я вас не знаю!...» – с этих мысленно подразумеваемых или произнесенных вслух вопросов привычно начинается формальное взаимодействие в дискурсивном контексте российского социального пространства. Эти вопросы с необходимостью вынужден разрешать каждый вступающий в социальное взаимодействие и от ответа на них зависит дальнейшее содержание совместного действия или общения. Невнятность и ситуативность формальных правил российского социального пространства заставляет участников взаимодействий прибегать к любым наличным данным, чтобы сделать ситуацию взаимодействия понятной, беспроблемной, привычной: упорядочить окружение. Отсюда доминирующая роль социальной эмоциональности во взаимодействиях между русскоговорящими носителями языка. Отмеченная многими наблюдателями эта «национальная черта» в терминах континуума социальной эмоциональности оказывается «душевностью» там, где есть доверие, и «хамством» на противоположном полюсе.

Хамство – всегда воинствующее, «миролюбивое хамство» – оксюморон. Истоки или элементарные формы хамства напрямую связаны с подразумеваемой угрозой соперничества или реально воспринимаемым соперничеством людей в социальной сфере. Вербальные формы давления имеют целью «победить соперника» – установить отношения доминирования над другим участником социального взаимодействия через озвучивание угроз, через грубое указание на предполагаемые недостатки визави («втаптывание в грязь»). Использование речевых форм, которые каждый компетентный носитель языка распознает как хамство, подчинено определенным закономерностям. Дискурсивный механизм хамства запускается в тот момент, когда хотя бы один из участников интеракции, иногда в ответ на воображаемую или реальную угрозу со стороны другого\других, производит реплику в жанре нападения.

Угроза (реальная или воображаемая) есть необходимое условие возникновения контекста, распознаваемого участниками как хамство. Следующий необходимый элемент ситуации хамства – это компетентная ответная реплика участника, которая может быть как оборонительного, так и атакующего характера. Таким образом, спектр возможных сценариев продолжения взаимодействия в этот момент резко сужается до двух рудиментарных сценариев «обороны» и «нападения». Возможен еще и вариант «ухода» от взаимодействия на данном этапе, но он практически совпадает со сценарием неуспешной обороны, по причинам дискурсивного характера, на которых я остановлюсь чуть ниже. Логика взаимодействия в жанре хамства не оставляет участникам иной позиции кроме «победы» или «поражения», она герметична, непроницаема для других форм общения, в ней немислимы переговоры, шутки, прагматические доводы, убеждение.

Многообразные виды взаимодействий в российском социальном пространстве, таким образом, наиболее бесппроблемно редуцируются к самым упрощенным сценариям – оборона и нападение. Языковая компетентность людей населяющих российское социальное пространство, включает в себя как знание способов инициирования конфликтных ситуаций (с целью установить собственное доминирование или подавить попытки визави утвердить свою позицию как доминирующую), так и способов реагирования в ситуации хамства (с целью минимизировать свои психологические потери и максимизировать вредоносные последствия для визави). Стороны как бы меряются силами – кто «на коне», а кого «отымеют». Привлекательность хамской интеракции в том, что ее правила или дискурсивный механизм допускают использование любых приемов: от иррациональной логики и вовлечения знаков из области культурных запретов до мимических и жестовых оскорблений. Абсурдистский сценарий «ухода» в ситуации хамского взаимодействия не является культурно одобряемым (см. В.Шукшин. «Рассказы», тема «чудиков»), и в дискурсивной логике хамства – приравнивается к моральному поражению. Можно предположить, что в

российском социальном пространстве опыт жизни нескольких поколений людей в условиях лишений и колебаний экономики от острого до тотального дефицита ресурсов повлиял на то, что вербальные взаимодействия членов социума в жанре соперничества стали доминировать над многообразием иных форм взаимодействий, и что по этой причине вербальные практики связанные с выказыванием уважения, следованием нормам приличия и изысканным манерам, во многом потеряли свою социальную значимость. Однако в данном случае «простить значит понять» вряд ли будет уместным выводом.

Вербальные конфликты повсеместны, они не являются отличительной чертой российского социального пространства. Существенной чертой вербальных конфликтов в российском социальном пространстве является их повышенная эмоциональная нагруженность и непроницаемость (логическая невозможность ситуативного переключения, беспроblemного выхода из хамского взаимодействия в другой жанр, переход к другой форме общения). Хамский дискурс подразумевает, что чем удачней получается «задеть за живое», тем уверенней одерживается победа. «Победа» в данном случае логически исключает возможность нахождения взаимовыгодного решения. Компромисс, уступки, избегание конфронтации или поиск мирного выхода из конфликта – выпадают за пределы логики хамства.

Хамству присущи и гендерные характеристики (см. В.Шукшин «Рассказы», образы мужчин-«чудиков» страдающих от женского хамства). Женские образы исключительно хамских продавщиц, издевающихся над покупателем мужчиной, нынче можно было бы смело интерпретировать как протест самых притесняемых членов общества против антигуманных условий, в которых женщина функционирует лишь как «обслуживающий персонал», где в ней не видят ни личности, ни творческого начала, ни равного партнера в социальном диалоге. Данная интерпретация обнаруживает лишь часть истины. В российском социальном пространстве гендерное неравенство имеет черты культурно-одобряемого стереотипа:

оспаривать особое положение российской женщины для обеспечения равного уважения социальных интересов женщин наряду с другими группами общества – выглядит абсурдом в условиях, когда даже абстрактное уважение к личности в узко-юридическом смысле все еще остается под вопросом.

Спектр культурно допустимого поведения женщины в российском социальном пространстве позволяет ей:

- 1) безответственно продуцировать гендерные конфликты,
- 2) защищаться от потенциальной угрозы извне любыми доступными способами, а стратегия хамства часто может оказаться самой действенной,
- 3) выполнять миссию эмоционального сплочения группы, коллектива или сообщества через использование ненормативных стратегий получения прибыли, благ, защиты от притеснений, вплоть до провоцирования социальной агрессии, с необязательно заранее оговоренными рациональными причинами. (См. М.Горький. «Мать»; Live Journal драматурга Николая Коляды <http://kolyadanik.livejournal.com/272560.html>
<http://kolyadanik.livejournal.com/273138.html> , Май 18, 2006).

Образы мужского хамства в советской литературе чаще ассоциированы с безличным государственным началом – хамство чиновников (см. В.Липатов «И это все о нем») или с патологическими чертами личности мужчины, отсутствием в его опыте «культуры», «воспитанности», или наличием опыта «лишения свободы» (в армии, тюрьме, лагере). Однако, даже научно доказанная причинная связь мужского хамства и подавляющего характера российской государственной машины ничуть не прояснила бы механизмов воспроизводства хамства в российском социальном пространстве – явления, успешно адаптирующегося к любым политическим переменам, к застоям или революциям, к перестройкам, к «неуклонному движению к победе коммунистического труда» или к «экономике, уже вошедшей в штопор». Хамство воспроизводится не в силу какой-то патологической приверженности русских людей к взаимному издевательству. Социальное

недоверие, структурированное через хамские взаимодействия, должно выполнять важные функции, иначе оно не было бы столь живучим.

Вместо выводов:

1. Хамство – культура силы – за какие-то несколько мгновений взаимодействия участники способны преодолеть социальную дистанцию практически любой степени неопределенности и достигнуть высочайшего эмоционального накала в обмене репликами. Эмоциональная связь – самая сильная. Получается, что компетентные носители русского языка именно посредством хамства становятся друг другу как родные, ибо объединяет всех страшной силы эмоциональный накал привычных хамских взаимодействий друг с другом.

2. Хамство – культура простоты – хамское взаимодействие упорядочивает мир в стройную бинарную конструкцию: победитель-побежденный, «крутой-лузер». Прелесть этого беспроblemного переустройства мира в том, что любые подручные средства подходят, если цель - «опустить этого/эту...» - так или иначе достигается.

3. Хамство – культура необходимости и выживания – в мире, который упорядочен по осям «крутой-лузер», невозможно действовать и взаимодействовать, просто игнорируя очевидную недостаточность такого миропонимания. Можно попытаться пропагандировать/навязывать другой, более осмысленный, более человеческий способ общения – механизмы хамского дискурса легко пережуют и это.

Постепенное и заботливое наращивание мультикультурного слоя в обществе, основываясь на постулате самоуважения и уважении другого – ориентир, на первый взгляд отдаленный, но вполне достижимый. Возможность обогатить российское дискурсивное пространство новыми территориями за пределами узкого континуума социальной эмоциональности (недоверие, сплетни, доверие), всегда одна из реальных. Социальная эмоциональность может уступить место социальной информированности и социальной компетентности в налаживании

отношений лишь в условиях гласности (СМИ, регулируемых гражданским обществом), восстановления механизмов общественного диалога и утверждения формальных норм взаимного уважения и легальных последствий за нарушение этих норм.

Только в логике социального диалога на равных осуществляется сдвиг в понимании целей совместной жизни людей в обществе: когда цель утверждения своего доминирования и подавления другого уступает место цели нахождения взаимной пользы, выгоды и способов сотрудничества, безопасности и полноценной жизни.

Жуков Д.А.
Санкт-Петербург, Россия

ДОВЕРИЕ МЕЖДУ АКТОРАМИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ КАК ОСНОВА ПРОЦЕССА СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Не для кого не является секретом низкий уровень доверия в современном российском обществе. Актуален вопрос - существует ли на сегодняшний день российское Общество как таковое. Ведь до сих пор не достигнуто согласия между членами российского общества по широкому кругу вопросов, отсутствуют базовые ценности, однозначно разделяемые большинством населения. Даже, казалось бы, такая незыблемая ценность как Великая Победа во Второй мировой войне начинает подвергаться сомнению, а порой и обсуждается вопрос «а нужна ли она была?».

Идеологизированная ценностная система координат советских времен была полностью выбракована новым режимом, на смену же ей, кроме рыночно – американской: «Деньги – показатель успеха», никакой иной системы базовых ценностей предложено не было. Таким положением в начале 90-х гг. с большим размахом воспользовались различные псевдорелигиозные объединения и криминальный мир, подменя оставшиеся